

И. Груздев,
аналитик ЦВМ

Использование времени преподавателями: к постановке проблемы

Аннотация. В статье рассматривается вопрос распределения времени преподавателей в университете на примере ГУ ВШЭ. В первом разделе на основе анализа релевантной литературы по университетской проблематике формулируется вывод, согласно которому время в стенах университета течет особым, наиболее подходящим для ведения научной деятельности образом. Второй раздел представляет собой критический анализ академической жизни вуза с этой точки зрения. Проблематизируются преподавательская занятость, образ жизни в университете, характер исследовательской работы. Основное положение статьи состоит в том, что интенсивный ритм работы и постоянный дефицит времени, характерные для преподавателей ГУ ВШЭ, могут иметь ряд негативных последствий. На основе зафиксированных проблем обосновывается необходимость дальнейшего внимания к вопросу распределения времени как с исследовательской, так и с управленческой сторон.

Ключевые слова: время в университете, академические свободы, академическая жизнь в ГУ ВШЭ.

Введение

Если посмотреть на то, в каком ключе сегодня говорят об университете, можно заметить, что довольно часто его современное состояние описывается как менее успешное в сравнении с тем, что было 100 или 200 лет назад¹. Это проявляется прежде всего в том, как университеты себя позиционируют, при помощи каких средств они репрезентируют себя миру. Эта репрезентация нередко связана с описанием «давней и славной» истории, а необходимым эпитетом, вписывающим тот или иной университет в разряд достойных, является прилагательное «классический». Одним из важных элементов образа старого, классического университета с богатыми традициями является особое течение времени в его стенах. Представления об университетской жизни не в последнюю очередь связаны с неторопливыми беседами, долгими научными спорами, с интенсивной, но в то же время идущей своим чередом, свободной академической деятельностью. Об ином характере

течения времени в университете говорит уже само наличие академического часа, отличного от часа астрономического.

В статье рассматривается вопрос течения времени в университетской среде как таковой, а также на основе ряда интервью, проведенных с преподавателями ГУ ВШЭ, проводится критический анализ использования преподавателями своего времени. Рассмотрение вопроса на примере ГУ ВШЭ интересно потому, что наш университет является сравнительно молодым, но динамично развивающимся и изменяющимся. Таким образом, на передний план выходит проблема соотношения традиционной университетской культуры и инноваций, интенсивно внедряющихся в ГУ ВШЭ.

Статья состоит из двух разделов. Первый раздел представляет собой краткий обзор релевантной литературы. В первой его части под интересующим нас углом рассматривается университетский проект Гумбольдта и раскрывается связь вопроса времени с работами по университетской проблематике. Далее мы фокусируемся на проблеме преподавательского времени, которая вписывается в контекст разговора об академических свободах.

Второй раздел посвящен рассмотрению проблематики использования времени преподавателями ГУ ВШЭ. Здесь ставится задача реконструкции типа занятости, характерного для преподавателей Вышки, проблематизируется исследовательская деятельность в вузе. В последней части описывается, как в ситуации дефицита времени может исчезнуть важный элемент университетской жизни — дискуссия.

Особенности организации времени в университете: от истории к сегодняшнему дню

Университет как место, где время течет по-иному. Для доказательства тезиса о том, что ход времени внутри университетских стен иной, чем за их пределами, необходимо обратиться хотя бы к одной из идей университета, т.е. к одному из вариантов того, как он замышлялся. Учитывая вышеупомянутую склонность многих современных университетов называться классическими, представляется важным рассмотреть вопрос течения времени на примере университетского проекта Гумбольдта.

¹ См., например, доклад д-ра ист. наук А.Ю. Андреева на круглом столе «Классический университет: традиция или архаика?» от 15 декабря 2009 г.

Гумбольдт, развивая идею исследовательского университета, утверждает, что центральным элементом его организации должно быть постоянное следование идеалам науки. Понимая науку как особый институт, в некотором смысле вырванный из конкретной ситуации, обладающий собственными ценностями, он постулирует необходимость соблюдения двух принципов: одиночества и свободы.

«Поскольку научные заведения могут достигнуть своей цели только в том случае, если каждое из них будет по возможности соответствовать чистой идее науки, то преобладающими для них принципами являются одиночество и свобода» [Гумбольдт, 2002, с. 5].

Принципы одиночества и свободы в определенной мере отгораживают жизнь внутри университета от суеты и повседневных забот. Он становится для ученого «башней из слоновой кости». Единственное, что должно регулировать жизнь ученого в университете, — наука, его собственный путь к истине. Применяя такую логику к рассматриваемому вопросу, можно прийти к выводу о том, что специфика течения времени в университете обусловлена иной по отношению к остальному миру точкой отсчета. Здесь время организуется не из соображений его эффективности в нашей повседневности, но из соображений полезности его использования для научных дел. Иными словами, ученый волен распоряжаться своим временем так, чтобы максимально продуктивно решать ту или иную научную проблему, и никакие рутинные, бытовые дела не должны нарушать его распорядок. Более радикально эту идею в измененном виде высказал Теодор Шанин:

«Университет — это то место, где люди освобождены от условий, в которых они не могут думать, потому что очень заняты»².

Из ряда других работ, связанных с идеей университета, также становится понятно, что университетская культура имеет особые отношения со временем. От университета в каком-то смысле «веет вечностью», оторванностью от конкретной исторической ситуации. Деррида говорит, что общество «хотело и эмансипировать, и контролировать» университет. Эмансипация в широком смысле может пониматься как свобода от пут самого разного характера, в том числе и от бегущего вперед времени. Ортега-и-Гассет, в противовес Гумбольдту утверждающий главенство культуры в университете, говорит о самых лучших «образцах культуры», которые, по сути, вечны. Образ застывшего времени также появляется, если вспомнить про связь университета со схоластикой, которую замечает историк Ле Гофф. Схоластика, в свою очередь, предполагает спор, диспут.

Университет подразумевает общение внутри: между преподавателями и студентами и, конечно, между самими преподавателями. Для неспешного общения или, наоборот, жаркого научного спора необходимо свободное время и некая отрешенность от бытовых проблем.

Таким образом, можно заключить, что для традиционной университетской организации в целом характерно особое, сравнительно спокойное течение времени. Это дает возможность «отгородить» университетскую жизнь от проблем повседневности, что, в свою очередь, позволяет ученым сконцентрироваться на исследовательских проблемах и научных дискуссиях.

Академические свободы и свободное время.

Иное течение времени может ассоциироваться не только с образом университета, но и с самой академической профессией, которую часто причисляют к разряду «свободных профессий». За словосочетанием «академические свободы» скрывается много различных положений, но чаще всего оно связано с правами свободного преподавания и исследования. Это значит, что ученый волен, с одной стороны, сам определять направления своих научных изысканий, а с другой — преподавать в соответствии с собственными представлениями о том, как это нужно делать. Основание таких свобод опять же связано с пониманием науки как автономного института, ценности и нормы которого направлены на производство истины. Общество признает академических профессионалов компетентными в особом мире науки и доверяет им действовать в соответствии с внутренними критериями профессионализма. Это, в свою очередь, означает, что преподаватель университета получает право организовывать свое время так, как считает нужным. Время управляется исключительно внутренними механизмами контроля, опирающимися главным образом на научный этос, который представляет собой набор интериоризированных правил, ключевым из которых является бескорыстное стремление к универсальному знанию [Мертон, 2006]. Иными словами, академические свободы, и в частности свобода распоряжения своим временем, во многом базируются на доверии к академическим профессионалам и представлениях о том, что они знают, «как лучше».

Широкая автономия, которая традиционно предоставлялась преподавателям в университетах, в определенный момент была поставлена под вопрос. На смену общественному доверию к академической профессии пришла идея подотчетности университета. В общем виде она состоит в том, что результат работы преподавателей чрезвычайно важен для общества, которое должно быть уверено, что университет выполняет свои задачи и делает это эффективно [Neave, 2000]. Возрастает роль социальной ответственности университета: «...Государственные

² Из выступления на семинаре проектной лаборатории «Развитие университетов».

органы должны гарантировать, что высшие образовательные учреждения, упражняясь в своей автономии, готовы оправдать множественные ожидания общества и служить его целям» [Weber, 2006, p. 10]. Множественные ожидания от университета приводят к тому, что традиционные принципы его организации и регуляции оказываются недостаточными для полной уверенности общества в том, что дела идут хорошо. В каком-то смысле академическим профессионалам начинают меньше доверять, и к внутренней логике их работы добавляются внешние правила. Происходит так называемый менеджериальный поворот в высшем образовании [Дим, 2004]. В университет внедряются корпоративные принципы управления, что неминуемо сказывается на ходе времени в его стенах. Помимо логики ведения научного исследования, ученый при организации своего времени теперь должен учитывать логику экономической эффективности, и сами исследования по большей части становятся коммерчески ориентированными [Clark, 1998; Saunders, 2008].

Характерные для академической профессии свободы, и в частности свобода использования преподавателями своего времени, сталкиваются с новыми для себя вызовами. Укоренение в университете менеджериальных принципов управления приводит к тому, что организация времени частично перестает быть в сфере влияния преподавателей и переходит к администраторам.

Неолиберализм в высшем образовании vs академическая вседозволенность

Как уже было замечено выше, академические свободы в значительной степени основываются на доверии общества к академической профессии, саморегулирующей себя при помощи профессиональной этики. Такого рода доверие изрядно подорвано в России [Шабалин, 2008]. У дискуссии об автономии университетской среды здесь появляется новый контекст, который можно обозначить через противопоставление академических свобод и академической вседозволенности [Там же]. По оценкам экспертов, сектор псевдообразования составляет примерно четверть всей высшей школы РФ³. Вопрос течения времени в университете в такой ситуации становится неактуальным, так как для многих преподавателей и исследователей оно практически всегда является свободным.

Решение проблемы профанации в высшем образовании осуществляется за счет ряда изменений, одним из которых является включение в Болонский процесс, который, по признанию многих, в значи-

тельной мере базируется на неолиберальной политике в образовании [Saunders, 2008]. Неолиберализм, будучи изначально экономической доктриной, в образовании фокусирует внимание на эффективности вуза как самостоятельной экономической единицы и объединяет в себе принципы менеджериального управления, подотчетности, измерения качества и т.д. С последним многие преподаватели уже столкнулись, заметив увеличение объема отчетности [Форрат, 2009].

ГУ ВШЭ является локомотивом большинства нововведений и, ориентируясь, главным образом, на западные тенденции в образовании, наиболее быстро и интенсивно заимствует принципы университетской организации, характерные для неолиберальной образовательной политики. Вместе с тем эти принципы содержат в себе ряд проблем и подвергаются активной критике как в Европе, так и в США [Clark, 1998; Saunders, 2008], где академическая среда и университетская культура более сильные и способные в какой-то мере нивелировать негативный эффект изменений. Один из пунктов критики заключается в том, что новые способы управления университетом являются своего рода вызовом для академических свобод и идут вразрез с традиционными научными ценностями. В связи с этим вопрос течения времени может быть для ГУ ВШЭ лакмусовой бумажкой. Как, балансируя между университетскими традициями, локальными проблемами академической среды и неолиберальным курсом образовательной политики, который имеет свои проблемы, Вышка организует внутреннюю жизнь? На что больше похожа актуальная ситуация со временем в университете и к каким последствиям для исследовательской деятельности она может привести?

Использование времени преподавателями ГУ ВШЭ

«Как белка в ГУ ВШЭ». Анализируя вопрос времени в университете, прежде всего следует восстановить картину занятости преподавателей: каков типичный набор обязательств, какие виды работ приоритетны, сколько времени в неделю приходится затрачивать на работу. Массив эмпирического материала состоит из глубинных интервью, проведенных с преподавателями ГУ ВШЭ в мае-июне 2010 г. Использовался метод неформализованного интервью, продолжительность беседы колебалась от 40 мин до 2 ч. Часть интервью была проведена в рамках проекта ЦВМ, направленного на изучение жизни молодых преподавателей ГУ ВШЭ, другая часть была собрана в процессе написания автором дипломной работы, посвященной вопросу академической автономии⁴.

³ См., например: Кузьминов Я., Мау В., Синельников-Мурылев С. Страна, где много плохих вузов // Эксперт Online. 2009. № 37 (674). 28 сент. http://www.expert.ru/printissues/expert/2009/37/strana_gde_mnogo_plohih_vuzov/.

⁴ Часть интервью, использованных при написании дипломной работы и этой статьи, проведены канд. социолог. наук

В целом было привлечено более 40 интервью. Следует также сделать оговорку относительно статуса выводов, касающихся преподавательской занятости. Представленная далее картина имеет место и является иллюстрацией реальных типов занятости и действительных проблем со временем, с которыми сталкиваются сотрудники Вышки, но вместе с тем она не дает количественной оценки, и потому полученные результаты нельзя распространять на все академическое сообщество вуза.

Перейдем к результатам анализа интервью. Если некоторый образ университета характеризуется, в частности, неспешным течением времени в его стенах, то, судя по нарративу информантов о своих рабочих делах, в Вышке время — дефицитный ресурс. Обратимся, например, к набору обязанностей молодого преподавателя. Во-первых, значительных временных затрат требуют полные 750 ч преподавательской нагрузки, и молодые преподаватели ощущают это больше остальных. Многие из них ведут новые курсы, что требует кропотливой подготовки к занятиям, и, кроме того, у них меньше шансов снизить аудиторную нагрузку за счет научного руководства дипломными работами, магистерскими и кандидатскими диссертациями.

«Несмотря на то, что занятия проходят раз в неделю, подготовка к ним занимает очень много времени» (10⁵).

«Вот в моем случае, поскольку я, естественно, не руковожу аспирантами и магистерскими диссертациями, моя нагрузка — это, в принципе, в основном только аудиторная нагрузка, т.е. это работа, связанная с нахождением именно в аудитории, и она у молодых преподавателей занимает больше половины [времени]» (11).

«В Вышке... ну не знаю, как на других факультетах, по крайней мере, на факультете *N* все преподаватели очень загружены, они трудятся полные 750 ч и поэтому... все время куда-то бегут» (36).

Во-вторых, важной составляющей занятости является исследовательская деятельность, которая реализуется либо в лабораториях (внутреннее со-вместительство), либо за счет участия в грантовых проектах. Период отчетности по исследовательскому проекту может совпадать с пиком преподавательской нагрузки, который приходится на конец учебного модуля, когда преподаватель вынужден в короткие сроки проверить студенческие письменные работы и контрольные.

«Есть реально очень сложные моменты, когда у тебя горят сроки с публикацией, и одновременно студенты сдают свои работы на проверку. Я к этому

серьезно отношусь и стараюсь все-таки их читать, что, я вам по секрету скажу, не все делают» (37).

В-третьих, некоторые информанты говорят также о своей административной деятельности на кафедре или факультете. Молодые преподаватели здесь снова оказываются в более сложном положении, так как имеют больше шансов быть вовлеченными в какие-либо разовые работы, вроде проведения конкурсов, составления заданий для олимпиад и т.д.

«Может быть, всегда так — поскольку ты молодой, должен еще что-то дополнительно делать» (11).

В-четвертых, как правило, у молодых преподавателей довольно остро стоит вопрос с защитой кандидатской диссертации.

«Просто у меня сейчас очень важный этап — это диссертацию защитить. Ну, желательно до осени сдать и на защиту» (9).

Интервьюер: Вы ходите на какие-нибудь мероприятия в Вышке, которые напрямую не связаны с вашей работой? Конференции, какие-то семинары дополнительные?

«Пока я не ходил... но это связано с тем, что мне нужно было присутствовать в аспирантуре, на обсуждении там и прочее» (10).

«Я либо по проектам что-нибудь делаю, либо к лекции готовлюсь, а все-таки жизнь вне работы никто не отменял... сейчас вот защита еще, пришлось отменить на время» (35).

Преподаватели постарше, вероятно, имеют другой набор обязанностей, но вряд ли их график от этого становится менее плотным. По крайней мере, сохраняется триада: преподавание, исследования, административная деятельность. Эти виды нагрузок остаются и не всегда хорошо координируются друг с другом.

«...Все-таки административная деятельность, преподавательская, научная — это три большие разницы, и, как следствие, получается, что как бы каждый этот момент [проживает] своей жизнью и в соответствии со своими ритмами» (22).

Таким образом, сотрудник Вышки может иметь довольно широкий круг обязанностей разного толка. Ритм работы, заданный в университете, является предельно интенсивным и оставляет преподавателям совсем немного свободного времени. Здесь также стоит учесть тот факт, что ГУ ВШЭ — это несколько зданий, находящихся друг от друга на значительном расстоянии.

«Есть, конечно, ощущение, что бегаешь все время... и это не только в метафорическом смысле, что дел полно, буквально: какие-то дела здесь, какие-то на Мясницкой, туда-сюда — и часа уже нет» (37).

Из интервью информантов складывается образ, который лучше всего описывает известное крылатое выражение «Как белка в колесе». Перебежки осу-

Р.Н. Абрамовым в рамках проекта «Академическая автономия и бюрократические процедуры в ГУ ВШЭ».

⁵ Здесь и далее в скобках указан номер интервью.

ществляются как в содержании работы — от лекции к исследовательскому проекту и от него к бумагам, так и между различными местами ее осуществления — от здания к зданию. Та отрешенность от практических проблем, которая характерна для образа университетской жизни, нацеленной целиком и полностью на занятия наукой, согласно высказываниям респондентов, в наименьшей степени характерна для Вышки. Слишком много нужно удерживать в поле зрения: параллельную административную нагрузку, всевозможные дедлайны, наконец, пробки на дорогах и час пик в метро. Состояние «перманентного бега», столь не характерное для университетской культуры, может негативно влиять и на содержательную сторону академической деятельности.

Больше проектов = больше денег. Сколько науки? Своеобразный бег продолжается и в исследовательской деятельности, если ее рассмотреть более детально. Из интервью следует, что для наиболее активных и, возможно, наиболее сильных в научном плане сотрудников вуза характерно одновременное участие во множестве различных исследовательских проектов. Механизм такой мультипроектности понятен. Со стороны предложения: хорошо зарекомендовавший себя исследователь, имеющий достаточное количество контактов, включен в коллегальное информационное поле и постоянно получает приглашение поучаствовать в том или ином проекте. Со стороны спроса важную роль играют дополнительные средства, которые являются хорошим материальным стимулом. Участие в каждом конкретном проекте увеличивает шансы получить приглашение откуда-нибудь еще, так как увеличивается количество контактов, а финансовая компонента довольно долго может оставаться весомым аргументом при принятии решения.

«Мне кажется, есть перекося в том, что одни и те же люди исследуют все-все, вместо того чтобы все большее количество людей вовлекались в исследования. То есть очень часто одни и те же люди проводят 10 исследований. Вместо того, чтобы делать это как-то эффективнее» (26).

Возможная проблема заключается не только в том, что исследовательская активность в вузе неравномерна, но и в том, что одновременное проведение нескольких проектов приводит к определенным последствиям для их качества. Вопрос течения времени в этом случае встает на передний план. На определенном этапе ускорение темпа может выхолащивать из исследования научную работу, и в таком случае остается лишь ремесленничество, которое проявляется чаще всего в написании текста определенного стиля, который удовлетворит минимальным требованиям отчетности.

«Безусловно, какие-то проблемы с этим могут быть, т.е. это вопрос совести исключительно, профессиональной этики. Честно, есть такие люди, ко-

торые перепечатывают одно и то же... у нас же, понимаете, вообще с академической культурой плохо, есть люди, которые из-за прелестей некоторых этой работы здесь и просто деньги зарабатывают» (38).

Кроме крайности, когда происходит осознанная переориентация с профессиональных ценностей исключительно на ценности экономические, вероятно, имеет место и не осознаваемое снижение качества. «Лихорадочность» при написании отчетов, статей и т.д. становится нормой.

Смежной проблемой, которая, вероятно, касается не только ГУ ВШЭ, являются сроки, которые даются на выполнение отчета по исследованию, на проведение которого был получен грант. Если учесть мультипроектную занятость преподавателей, не очень широкие временные рамки, которые даются на выполнение гранта, становятся просто критичными. Такое положение дел приводит к тому, что преподавателям приходится либо задействовать свой социальный капитал, либо, опять же, снижать планку качества работы. Примером может выступать следующая ситуация: преподаватель обращается в издательство, где работают его знакомые, и получает там справку о том, что статья отдана в печать до того, как это реально было сделано. Это позволяет несколько отсрочить дедлайн.

«Мне бы казалось, что гранты Научного фонда должны быть более продолжительными, чем на один год с требованием промежуточного отчета в середине» (39).

«Но вот этот момент, когда нужно было сдавать этот грант, он был довольно истеричный, и как бы отчитываться этой полустатьей... главное, что, к счастью, у нас приняли даже вот эту недостаточность... как бы черновик... Но, честно говоря, я не знаю, почему происходят такие вещи. Почему... [сроки] задаются сразу нереально маленькие. Даже когда обсуждаешь с какими-нибудь иностранцами: а у нас такой проект. Да, у нас тоже такой проект, на 4 года. Четыре? А у нас один. Как один? Это же невозможно за один год. У нас над этим проектом работает 20 человек. 20? А у нас трое. О, круто!» (26).

«Нужно понимать, что для выполнения такой работы полугода просто недостаточно, все-таки остальную нагрузку никто не отменял... Меня репутация и друзья спасают» (37).

Здесь уместно вспомнить противопоставление академической вседозволенности и неолиберальной образовательной политики. Материальные стимулы, призванные развивать исследовательскую деятельность в вузе, частично решают вопрос бездействия преподавателей. В то же время они ставят новые проблемы. Из интервью видно, что в такой ситуации затруднительным становится добросовестное проведение большого, продолжительного исследования. Это обусловлено, во-первых, тем, что преподавателю будет трудно выкроить время в череде проектов,

и, во-вторых, тем, что на такое исследование нельзя будет получить финансирование, так как срок выполнения гранта будет заведомо короче, чем нужно. Под вопрос ставится система оплаты академической работы. С экономической точки зрения правила игры понятны: чем больше исследований, тем больше зарплата. Но такие условия могут оказаться неэффективными в более долгосрочной перспективе и побуждать преподавателей получать деньги под новые проекты, даже если они едва ли выполнили обязательства по старым, что еще сильнее будет сжимать временные рамки.

Не стоит упускать из виду также такую проблему: не все преподаватели имеют одинаковые возможности вовлечения в исследовательскую деятельность. Возможно, имеет место специфическая вариация «эффекта Матфея», при которой те, кто вовлечен, вовлекаются еще больше, а те, кто нет, имеют априори меньше шансов.

«Убегая от дискуссий». Говоря об университетской культуре и характерном для нее ином течении времени, мы так или иначе упоминали научные беседы и подчеркивали их значение. Общение, причем не только та его часть, что обрамлена формальными рамками лекций или семинаров, играет большую роль в академической жизни. Значение неформальной коммуникации подчеркивают в интервью и преподаватели Вышки.

«...Там был семинар, на котором у нас была возможность пообщаться друг с другом. И это, знаете, для меня было просто потрясюще, когда все молодые, в чем-то такие же, как ты, все что-то хотят делать, у всех идеи, это же очень интересно» (25).

«Было очень интересно пообщаться с теми людьми, которые работают... твои ровесники и работают в сфере преподавания. И понимаешь, что это не так плохо — преподавать» (3).

Внутриуниверситетское общение важно не только тем, что оно может быть полезно для обсуждения той или иной научной проблемы, но и своей солидаризирующей функцией. Это именно то, что создает университетское сообщество, ощущать которое, судя по интервью, необходимо многим. Здесь очерченный выше образ бегущего преподавателя появляется вновь.

«Преподаватели ВШЭ все время куда-то бегут, и поэтому как-то схватить их и поговорить о каком-то научном вопросе — достаточно затруднительно» (39).

Причина бегства от дискуссий, которую называют сами преподаватели, — экстенсивное развитие вуза. Расширение приема, увеличение количества исследований, которые проводит ГУ ВШЭ, с одной стороны, призваны упрочить позицию университета в конкурентном поле высшего образования, сделать его еще более сильным игроком, а с другой — увеличивают объем работы, который должны выполнить

его сотрудники, и лишают их свободного времени. Университет в каком-то смысле увеличивается быстрее, чем успевает приспособиться к своему новому положению.

«Вот магистратуру расширяют, а это что значит? То, что увеличится преподавательская нагрузка, при этом еще надо работать, у меня есть свои интересы...» (37).

«Надо понимать, что мы сейчас покрываем в некоторых областях почти весь заказ на исследования, и так будет дальше, только сфер больше, для вывески ГУ ВШЭ это хорошо, но для исследователей — нет» (40).

Здесь поднимается важный вопрос соотношения организационных и содержательных целей университета. Увеличение размера и рост влияния вуза ценны для него как для организации, но их обратной стороной может быть ухудшение условий исследовательской работы. Ход времени в целом и наличие времени на неформальное общение не всегда попадают в поле зрения тех, кто занимается планированием стратегии развития вуза. Вместе с тем учитывать это необходимо, так как от такого рода, с одной стороны, незаметных, а с другой — определяющих культурных особенностей зависит успех университета в реализации своего главного назначения — развития науки.

Заключение

Изучение вопроса использования преподавателями ГУ ВШЭ своего времени на данный момент оставляет больше вопросов, чем ответов. Критический взгляд, предлагаемый в данной статье, заставляет задуматься над целым рядом проблем. Бурное развитие вуза и дистанцирование от тотальной свободы, получившей название академической вседозволенности, по всей видимости, кроме явных плюсов имеет и свои минусы. Одним из них может быть тот уровень занятости преподавательского состава, который кажется необычным и даже чрезмерным в сравнении с представлениями о «свободной» академической профессии. Некоторые моменты, например, последствия одновременной занятости во множестве проектов и, следовательно, выполнение исследовательской работы в сжатые сроки, требуют отдельного внимания. Исследования, за счет которых, главным образом, вуз и должен себя обеспечивать, рискуют потерять научную ценность и упасть в качестве, так как критерии их выполнения будут заданы исключительно экономическими законами. В связи с этим важно учитывать в управлении университетом значение академических традиций, которые могли бы стать противовесом для достижения оптимального баланса между академическими свободами и менеджеральными принципами управления.

Рассмотренные в статье проблемы позволяют сделать вывод о том, что особенности распределения преподавательского времени в стенах ГУ ВШЭ требуют дальнейшего внимания. В этом смысле особенно следует подчеркнуть важность будущих исследований этого вопроса. Наиболее полезным представляется изучение бюджета времени преподавателей. Количественное исследование этой темы позволит, во-первых, более точно представлять картину распределения времени, во-вторых, выделить типы занятости, в-третьих, определить сектор наиболее загруженных преподавателей.

Источники

Гумбольдт К. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2. С. 5.

Дим Р. Новый менеджериализм и высшее образование // Вопросы образования. 2005. № 3. С. 44—56.

Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.

Форрат Н.В. Проблема качества высшего образования: мировые вызовы и их российские трансформации // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 121—138.

Шабалин Е.Ю. Принципы академической автономии // Совет ректоров. 2008. № 9. С. 21—26.

Clark B.R. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Oxford: Pergamon Press, 1998.

Saunders D.B. Neoliberal Ideology and Public Higher Education in the United States. Amherst: University of Massachusetts, 2008.

The Universities' Responsibilities to Society: International Perspectives / G. Neave. Oxford: Pergamon Press and International Association of Universities, 2000.

Weber L. University Autonomy, a Necessary, but not Sufficient Condition for Excellence: presentation. IAU/IAUP Presidents' Symposium, Chiang Mai, Thailand. 2006. 8—9 Dec.